

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.3.1-56-78

УДК 1(091)(47) + 821.161.1(091)

ВТОРАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И УТОПИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ДУХОВНОЙ АРИСТОКРАТИИ Н.А. БЕРДЯЕВА

Бойко Владимир Анатольевич,

кандидат культурологии, доцент,

доцент Института философии и права Сибирского отделения

Российской академии наук,

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

ORCID: 0000-0002-0365-5171

vboyko100@gmail.com

Аннотация

Проблему формирования духовной аристократии в России Н.А. Бердяев обсуждает на протяжении многих лет. Русский философ отстаивает непреходящую ценность духовной аристократии, не видит непосредственной связи между социально-исторической средой и становлением «рыцарей духа». Он призывает к обновлению христианства и общественной жизни, связывает грядущее религиозное возрождение исключительно с развитием личностного начала. Бердяев полагает, что «народ-нация» может быть аристократичным, если проявит готовность подчинить свои действия абсолютной божественной воле. В 1917–1918 годах над размышлениями Бердяева довлеет идея иерархического строения всякой реальности. Творчество и социальное равенство несовместимы, природа творчества и сущность личности аристократичны. Русский мыслитель приветствует свержение самодержавия. Он отрицает классовую подоплеку свершающейся революции, обличает буржуазный, нетворческий характер идеи социализма. Победу демократии он рассматривает как внешнее условие становления духовного рыцарства, чьи помыслы направлены за пределы эмпирического мира, царства необходимости и принуждения. Русский философ надеется, что демократическая революция освободит духовные силы народа, чье восходящее творческое движение будет сопровождаться формированием национальной аристократии духа. Но в июле 1917 года Бердяев констатирует, что Россия приносится в жертву революционной стихии. Победа большевиков в борьбе за власть осенью 1917 года подтвердила его самые худшие опасения: торжество в России буржуазного идеала благополучного обустройства в посюстороннем мире над иерархическим принципом

устройства мироздания выступало симптомом деградации русского народа, превращало проект национальной аристократии духа в утопию.

Ключевые слова: революция, иерархия, творчество, личность, аристократия, народ.

Библиографическое описание для цитирования:

Бойко В.А. Вторая русская революция и утопический проект духовной аристократии Н.А. Бердяева // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 3, ч. 1. – С. 56–78. – DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.3.1-56-78.

Дворянское происхождение и воспитание, безусловно, оказали влияние на характер, творчество и ценностные ориентации Н.А. Бердяева. «По внешности он скорее европейский аристократ, чем русский барин. Его предков легче представить себе рыцарями, гордо выезжающими из ворот средневекового замка, чем боярами, согбенно переступающими порог низких палат. <...> Темперамент у Бердяева боевой. Все статьи его и даже книги – атаки. Он и с Богом разговаривает так, как будто атакует Его в небесной крепости», – вспоминает Ф.А. Степун [31, с. 257]. Жизнь Бердяева – это непрерывная борьба с мировым злом, косностью и мещанством. Буржуазности как религиозно-метафизической категории он противопоставляет категорию рыцарства и ощущает себя рыцарем в сражениях духа. «Некоторая воинственность моего характера, – признавал Бердяев, – целиком перешла в идейную борьбу, в сражения в области мысли» [16, с. 26]. Эта воинственность отмечалась многими его современниками, видевшими в философе «рыцаря духа». А. Белый писал, что Бердяев, чьи атрибуты колесница или латы, «всюду... появлялся с достоинством, совершенно врожденным, с тем тихим, не лезущим мужеством и готовностью пострадать за идеи, которые выдает без остатка, и рыцарство, и чувства чести» [2, с. 332, 333]. «Полководцем, гарцующим в кресле, которое начинало протяжнейше ржать, точно конь», казался автору «Петербурга» Бердяев – участник ожесточенных философских дискуссий: «Он был в душе воин; его карандаш был меч; он с охотой кидался рубить, колоть, протыкать...» [2, с. 334, 335].

Рыцарский идеал, формирование которого у Н.А. Бердяева мы проследили в своих предыдущих статьях [22, 24], оказывал существенное влияние на творчество русского мыслителя. В своих сочинениях он отстаивал приоритет универсальной объективной божественной воли, призывал к обновлению христианства и всех сторон общественной жизни, связывал грядущее религиозное возрождение исключительно с развитием личного начала. Христианство философ-персоналист воспринимал, прежде всего, как откровение о личности, и западноевропейская идея рыцарства,

где во главу угла поставлены непреходящие основы морали – героизм и честь, предваряла, согласно Бердяеву, христианское откровение о человеке. Рыцарский идеал Средневековья он соотносит с современной эпохой, грядущую рыцарскую войну за освобождение личности противопоставляет иным, ложным формам социальной борьбы.

Борьба Бердяева за создание яркой индивидуальности, «борьба с мечтанством, с quasi-идейной мелочностью, борьба за духовную аристократизацию человеческой души» [20, с. 106], развернувшаяся уже в начале его творческого пути, вызвала негативную реакцию в среде бывших единомышленников Бердяева, среди отечественных марксистов. Пережитки далекого прошлого, черты «нового средневековья» в мышлении авторов сборника «Проблемы идеализма» (1902) Н.А. Бердяева и С.Н. Булгакова оперативно выявил и разоблачил поборник принципа чистоты пролетарской «психоидеологии» А.А. Богданов (Малиновский). Критику-марксисту хорошо известно, что Средние века были эпохой «наибольшего развития и процветания *авторитарных* форм жизни» в истории [21, с. 120]. Ему отвратительны рассуждения Бердяева о «вечной необходимости “духовной аристократии”», ибо их основа – «социальные категории феодального мышления». Богданов прозорливо отмечал, что разделение людей на духовных аристократов и духовных плебеев, активных героев и пассивную толпу есть «отнюдь не количественное различие сил и способностей, а принципиальное, качественное различие, и дело идет, очевидно, о настоящих привилегиях и о настоящем подчинении» [21, с. 130]. Богданова глубоко возмущает, что «товарищескую демократию» Бердяев мыслит как «стадо», и он вскрывает подоплеку этого феномена: мы имеем дело с феодальным мышлением, «для которого “аристократизм” немногих, с одной стороны, и “стадность” массы – с другой, являются необходимыми категориями социальной жизни» [21, с. 131]. Богданову известно, что «идеал “духовного аристократа” всегда носится перед умственным взором г. Бердяева, и нет сомнения, что почтенный автор стремится воплотить его в жизнь»; он осуждает «сильную склонность» Бердяева, вытекающую из представления об «умственно-сеньориальных правах и привилегиях», «решительно и строго судить тех мыслителей, которые почему-либо казались ему недостаточно аристократическими» [21, с. 131].

Историософию Бердяева критик-марксист объявляет консервативной, выгодной для реакционеров всех мастей и апологетов существующего положения дел. Богданов ставит диагноз новоявленному «духовному аристократу»: «Практически-реакционные доктрины в объяснении сущности мирового и социального процесса, применение феодальных категорий к демократическому обществу, консервативно-прогрессивная мораль абсолютного долга, произвольно припутанные к ней практически-

прогрессивные формы, масса логических противоречий и догматических утверждений – таково “критическое” настроение или, лучше сказать, таково критическое состояние г. Бердяева» [21, с. 134]. В отличие от главного героя своего утопического романа «Красная звезда» (1908), который не смог увидеть в соратнике по революционной борьбе марсианина, классовое чутье позволяет самому Богданову сопоставить «феодальные элементы» психологии Бердяева и Булгакова – своих прежних товарищей, констатировать преобладание в средневековой психологии одного из них «светски-феодальных» элементов, а другого – католических [21, с. 143]. При этом критик высказывает надежду, что «между феодально-статическими элементами психики г. Бердяева, с одной стороны, и ее демократически-эволюционными элементами – с другой, должно произойти взаимодействие, при котором они взаимно сгладят друг друга», и в результате получится «нечто среднее» – последовательный либерализм [21, с. 142]. Полемизируя со своими «почтенными противниками», Богданов стремится ускорить развитие их самосознания¹, мечтает «приблизить тот желанный момент, когда благочестивые гг. неокатолики и благородные гг. феодалы воздушных замков поймут наконец самих себя и решительно заявят: “Что нам Гекуба?”» [21, с. 145].

Но г. Бердяев не поддался увещаниям адепта пролетарской идеологии. Он указывает на «полнейшее бессилие и немощь» теоретиков марксизма в решении вопросов, связанных с духовной культурой и ценностным содержанием человеческой жизни [10, с. 242]. На протяжении многих лет Бердяев продолжает отстаивать непреходящую ценность духовной аристократии, разъясняя, что отсутствует непосредственная связь между исторической средой и «глубинами “личного духа”», а «рыцари духа узнаются не по политическим и экономическим прерогативам, созданным позитивным строем жизни» [3, с. 372], что аристократичной может быть народная масса, готовая подчинить свои действия абсолютной божественной воле, «народ-нация» как «живая реальность, действующая в истории, совершающая великие дела, наполняющая сердца людей трепетом и страстью» [5, с. 135]. В контексте осмысления событий Первой русской революции рыцарский идеал Бердяева интегрируется в идею «великой миссии России» служить мостом между Востоком и Западом, стать основой богочеловечества [23]. Эта тематика вновь была актуализирована вступлением

¹ Немногом ранее, в 1901 году, на недостаточно высокий уровень развития самосознания Бердяева обращает внимание и другой марксист – Л.И. Аксельрод, считавшая своего оппонента идеологом буржуазии, стремящимся устранить революционную сторону социализма. При этом она подчеркивала, что не приписывает «*сознательного намерения* защищать интересы буржуазного общества» Бердяеву, который смотрит в прошлое, возвращается к идеалистической философии в силу присущего ему «буржуазного инстинкта», «под влиянием *буржуазного классового инстинкта самосохранения*» [30, с. 59].

России в Первую мировую войну. Бердяев надеялся, что война приведет к духовному пробуждению России, придаст мужества и благородства русскому народу, наделит русского человека чертами рыцаря. В годы войны окончательно складывается его знаменитая концепция «русской души», согласно которой важнейшим условием реализации русским народом своей всемирно-исторической миссии является внутреннее освобождение русского человека от господства женственной, природной, ведущей к хаосу стихии. Русское национальное самосознание не должно тяготеть к Востоку, с которым Бердяев связывает темное природное женственное начало, лишь имманентное принятие культурного наследия Запада, ориентация на выкованную рыцарством мужественную и ответственную творческую личность позволит России духовно преобразиться, успешно решить задачи всемирно-исторического масштаба [25].

В переломные для русской истории XX века 1917–1918 годы над размышлениями Бердяева довлелет идея иерархического строения всякой реальности. «Космическая жизнь – иерархична. Иерархична и жизнь общественная, поскольку есть в ней космический лад и не разорвана органическая связь с космосом» [19, с. 512], – утверждает он в книге «Философия неравенства»², где подводятся итоги революционным событиям в России. В неравенстве Бердяев видит «основу всякого космического строя и лада», «оправдание самого существования человеческой личности и источник всякого творческого движения в мире»: «Всякое рождение света во тьме есть возникновение неравенства. Всякое творческое движение есть возникновение неравенства, возвышение, выделение качеств из бескачественной массы. <...> От неравенства родился и мир, космос. От неравенства родился и человек» [19, с. 520]. Бытие свободной личности теснейшим образом связано с космической иерархией, оно «предполагает различия и дистанции, формы и границы», личность «раскрывается в космосе и гибнет в хаосе», личностное начало есть «неповторимое качество, не допускающее количественных смешений», личность «не терпит хаотического смешения, плебейского стирания всех границ и различий» [19, с. 514, 515]. Творчество и социальное равенство несовместимы, убежден Бердяев, творчество требует неравенства, природа творчества, равно как и сущность личности, аристократичны, творчество «есть дело лучших, оно не терпит власти худших, господства толпы» [19, с. 485]. Революции уничтожают «все различия и дистанции, все формы и границы», поэтому они «несут с собой порабощение человека, погружение его в изначальную тьму», в стихии революции дух человеческий ослабевает, утрачивает свои высшие достижения [19, с. 514, 515]. Демократия, согласно Бердяеву, есть торжество количе-

² Книга была написана в 1918 году, но опубликована лишь после высылки философа из советской России в 1923 году в Берлине.

ства, отрицание личности, «восстание из тьмы безликого и безобразного плебейства». Революционному дионисизму плоти он противопоставляет духовное аристократическое начало, возникновение которого в мире «было борьбой света с тьмой, рождением личности, освобождением духа»; лишь оно одно, это «начало иерархического лада», «спасает высшую духовную жизнь, охраняет источники света и защищает личность человеческую от растерзания» [19, с. 514, 515].

Русский мыслитель приветствует свержение самодержавия. «В несколько дней, с чудесной легкостью и безболезненностью произошло величайшее событие русской истории и одно из величайших событий всемирной истории. Поистине в том, как произошла русская революция, есть что-то сказочное. Всё еще кажется, что нам приснился сон и что может наступить тяжелое пробуждение, – пишет он в апреле 1917 года, – произошло событие исключительной важности и значительности: пало тысячелетнее священное русское царство, с которым связаны были великие упования и иллюзии, последнее священное царство в мире» [11, с. 508]. В свершившейся революции Бердяев ищет черты, отличающие ее от прежних, «обычных» революций: «Это был какой-то всенародный порыв, общенациональный сдвиг. <...> Русская революция – самая национальная, самая патриотическая, самая всенародная из всех революций, наименее классовая по своему характеру, не “буржуазная” и не “пролетарская”» [14, с. 501]. Он защищает рождающуюся русскую демократию, с воодушевлением возвращается к высказанной им в начале века «парадоксальной лишь по внешности формуле», согласно которой внутренний, скрытый смысл демократических преобразований заключается «в установлении условий, благоприятных для выявления качеств, для отбора истинной аристократии» [14, с. 505].

«Правду социального демократизма», заключающуюся в оценке личности и определении ее места в общественной жизни в соответствии с присущими ей качествами и талантами, Бердяев противопоставляет «идее механического уравнивания». Процесс демократизации жизни он уподобляет машинизации, замене органической связи духа и плоти, ведущей к расчленению «старой органической плоти» и освобождающей дух: «Святая Русь кончилась и впереди видна лишь Русь пророческая. И падение священного русского царства должно быть благословенно не только для строителей нового демократического царства, далеких от всякого духа, но и для людей духа, для незримой духовной аристократии, которой ничто не страшно, которая мужественно идет к новому, неведомому миру, порвав со всеми старыми утешениями как поработавшими иллюзиями» [11, с. 516]. Аристократия духа формируется в ситуации, когда на смену священному царству приходит секулярное государство, «механичная, бездушная, холодная, некрасивая, бесстыльная» демократия. Для творческого человека

грядущая демократия, торжество разлагающейся плоти мира невыносимы. Личность жаждет свободы и обретает ее в религиозном акте самознания, непосредственном ощущении иного, духовного, измерения бытия. «Для людей высшей духовной жизни, исполненных любви к красоте, трудно принять механизм, холодный и бездушный, хотя бы и справедливый, это – великая жертва, вольная Голгофа. Но лишь эта решимость пройти через пустыню, через голые скалы, ведет к высшей жизни, к горней свободе» [11, с. 512].

Одной из порабощающих русских людей иллюзий была идея священного царства. Согласно Бердяеву, эта идея есть проекция «бабьей» души русского народа, народной пассивности и подавленности, слабой проявленности в русской культуре личностного начала. Восток доминировал в старой России, ее государственность в меньшей степени была связана с волей народа, чем государственная власть на Западе. Русскому человеку представлялась священная власть, «которая вытекала не из человеческой воли народа, которая была над народом, высока и недостижима. Рабство народа у какой-то инородной ему, трансцендентной власти переживалось, как священное царство» [11, с. 509]. Отчужденность русского народа от государственной власти, отсутствие духовной аристократии в России стали причиной «молниеносной», «бесславной» гибели некогда священного царства. У русского самодержавия «не нашлось ни одного рыцарского защитника, все слуги старого порядка поспешили покинуть его, все они оказались хамами» [14, с. 501, 502]. Бердяев с наслаждением дышит воздухом революции, он верит, что «долгий, давящий кошмар» самодержавия рассеялся и русский народ «вышел из заколдованного мрачного царства в светлое царство свободы». Он приветствует секуляризацию государственной власти и общественной жизни в России, видит в «свободном человеческом властвовании» первый шаг на пути освобождения духа от порабощающих теократических иллюзий, «великий шаг на пути вхождения избранной части человечества в высший план бытия». Однако победа демократии есть лишь внешнее условие становления аристократии духа, духовного рыцарства, чьи помыслы направлены за пределы эмпирического мира, царства необходимости и принуждения. «Христос сказал, что царство Его не от мира сего, и заповедовал не любить мира и того, что в мире. Поистине царства Христова не может быть в этом трехмерном пространстве, в этом материальном плане, оно несоизмеримо с этим миром. Царство Христово может быть лишь в ином измерении, в ином духовном плане, в ином горнем мире. К царству этому принадлежат те, которые в духе своем свободны от низших сфер бытия, от рабства у материи и врастают в высшую сферу бытия, в сферу любви и свободы. <...> Воинство Христово в этом мире, в этом царстве может быть лишь таинственным рыцарским союзом, свобод-

ным от всякой жажды власти и всякой корысти» [11, с. 515]. Русский философ надеется, что демократическая революция освободит духовные силы народа, чье восходящее творческое движение будет сопровождаться формированием национальной аристократии духа.

Как интеллеktуал, каленым железом выжегший в себе марксистские предрассудки, Бердяев отрицает классовую подоплеку свершившейся революции, обличает буржуазный, нетворческий характер идеи социализма. «Духовная буржуазность социализма, его рабство у социальной материи, его отрицание духовных ценностей, его неспособность подняться над ограниченной целью человеческого благополучия до целей более далеких и высоких, совершенно несомненна и обнаруживается всё более и более» [9, с. 527], – пишет он в мае 1917 года. В революционных событиях Бердяев ищет симптомы возрождения России, видит в революции органический акт народного волеизъявления, имеющий всемирно-историческое значение, ведущий к осуществлению «великой миссии России»: «Воля целого народа есть некое качество, а не механическое количество, и истинная воля народа должна считаться со всей историей народа, с его далеким прошлым и далеким будущим, а не с одними интересами и инстинктами сегодняшнего дня» [12, с. 532]. Бердяев не устает говорить о важности укрепления русского национального бытия, формирования национального лика России. Противопоставление нации и человечества, национального и общечеловеческого сознания, по его мнению, бессмысленно: «Единство человечества как некая высшая иерархическая ступень осуществляется через единства национальные, через укрепление и развитие национальных индивидуальностей. Начала всечеловеческие раскрываются в национальном бытии, через движение вглубь и ввысь. Национальность должна быть вознесена до всечеловеческого значения. Всякая культура на вершинах своих и национальна, и всечеловечна» [4, с. 520]. Мировое призвание России предполагает сохранение и усиление ее национального и государственного единства. «Без России, – повторяет Бердяев ставшую для него на протяжении десятка лет привычной последовательность рассуждений, – русские люди превратились бы в бескачественную массу, которая ничем не может обогатить мировую жизнь. Только единая, великая, сильная Россия может сказать миру свою идею, только такая Россия может быть дарящей и жертвенной, источающей свой свет. И если Россия начнет свободное существование с самоупражнения, с раздробления, с утраты своего образа среди народов мира, то источник возможного света от нее погаснет и русские люди превратятся в рассыпающуюся бесцветную массу. Ослабление и падение русского государства будет также ослаблением и падением русской духовной культуры» [4, с. 521]. Национальная и государственная деградация России, убежден

Бердяев, отрицательно скажется на процессе кристаллизации в русской культуре творческой личности.

Он вновь и вновь возвращается к теме недостаточной выраженности в русском народе личностного начала, погруженности русской души в стихию коллективизма. Отсутствие в России рыцарства, «сурового закала» народного характера философ воспринимает как «роковой факт» нравственного и общественного развития страны, таящий в себе «величайшую опасность» для ее будущего. Русские люди стремительно переходят от одной формы коллективизма к другой, от «старой стихийности» к новой, минуя «дисциплину личности, культуру личности, развитие личности». Но мир будущего человечества – это мир свободы, «новый свободный коллектив может выковаться лишь через выковывание личности». В XX веке, отмечает Бердяев, идея личности «не может быть абстрактной, как в XVIII веке, она может быть лишь конкретной», и эта конкретная личность «выковывается лишь через национальную дисциплину и в нации» [4, с. 522]. Русское слабование, «расслабляющий морализм», «овечьи добродетели», культивируемые в общественной жизни, препятствуют раскрытию неведомых западным народам «великих духовных качеств» русского народа, его подлинной всечеловечности. «Суровые добродетели», «закал личного характера и закал народного характера» необходимы России. Нынешнее состояние русской культуры служит почвой, благоприятной для всякой демагогии, в частности, идеологии интернационализма. В легкости, с которой русские люди принимают «отвлеченную и пустую фантазию» Интернационала и отвергают реальность национального начала, Бердяев видит одно из проявлений слабости народного характера, практическую реализацию ложных добродетелей, «которые опаснее пороков».

Достижение братства народов предполагает лишь один «конкретно-реальный путь» – утверждение «национальных индивидуальностей». «Мечтательный интернационализм», утверждает Бердяев, обрекает Россию «на одинокий позор», «оттесняет нас в Азию и уединяет нас». «Да не будет этого, да восстанет против этого русский народ, который спасал Россию в смутную эпоху и в отечественную войну! – патетически восклицает русский мыслитель. – Да проснется в нас дух свободного, рыцарского гражданства!» [12, с. 533]. Россия – европейское государство, эхом звучат в его сочинениях размышления, вызванные поражением Первой русской революции, «всё будущее России и вся роль ее в мировой жизни зависят от того, сумеет ли она преодолеть в себе крайний Восток и соблазны погружения в чисто восточную стихийность и вместе с тем не превратиться в крайний Запад, утратив свою оригинальность» [15, с. 541]. В стихийном развитии новой революции он также предугадывает черты крайнего, «монгольского, вошедшего внутрь России со времени татарского ига» Вос-

тока с его нелюбовью к культуре и эволюции. Приверженность русского духа ценностям европейской культуры в сочетании с его национально-самобытными «великими качествами» позволяет России осознать ограниченность и односторонность культуры Западной Европы, преодолеть последствия ее неминуемого заката. Именно поэтому Россия должна хорошо усвоить уроки уходящей в прошлое европейской культуры, европеизироваться во внешних формах своей жизни. Но при этом оставаться и христианским Востоком, побеждая в себе «крайний и исключительный Восток, вечно притягивающий ее вниз», разъединяющий ее с мировой культурой. Тьма крайнего Востока в русской душе должна быть рассеяна, настаивает Бердяев, русский народ должен выйти из состояния замкнутости и ликом своим обратиться к Западной Европе «не для того, чтобы обезличиться и обесцветиться, а для того, чтобы явить миру свой собственный лик и нести в мир свою правду и красоту, донныне столь искаженную и затемненную» [15, с. 543].

Беспокойство русского мыслителя за судьбу русского народа, судьбу его «женственной, податливой и хрупкой, не прошедшей суровой школы самодисциплины и самоуправления» души [8, с. 549] составляют основной пафос его статей, написанных летом 1917 года. Бердяев, ссылаясь на жизненный опыт, отказывается верить «в эмпирический народ, в количественную массу», поклонение народным массам он рассматривает как форму идолопоклонства, «измену живому Богу»: «Народ должен верить в Бога и служить Ему, в народ же нельзя верить и нельзя служить ему» [18, с. 582]. Всякое идолопоклонство ведет к утрате различий между добром и злом, делает человека одержимым, «рабом временных, относительных вещей, во имя которых всё считается дозволенным» [13, с. 574]. Философ отвергает материалистическое понимание народа, те интерпретации общественного развития, где интересы народа подменяются интересами определенного класса или социальной группы. Народ – это единое целое, в которое входят все классы и группы, это пребывающий в вечности мистический организм. Согласно Бердяеву, «подлинно существует лишь народ в метафизическом смысле слова, и только этот народ глубже всех социальных оболочек» [7, с. 590]. В народной жизни связаны воедино века и тысячелетия истории, соединены «далекое историческое прошлое с далеким историческим будущим». Русский народ – это не механическая смесь замкнутых в себе единиц, преследующих эгоистические интересы, а великий народ, имеющий собственное лицо, свою историческую судьбу, и он «должен отстаивать себя как целое, защищать свое место в мире, свое дело в мире». Следовательно, «существуют интересы всей России, всего русского государства, интересы великого целого, а не только интересы отдельных классов и отдельных людей» [17, с. 557].

Реализации интересов России препятствуют социальные идеологии, пропитанные «ядом лести народным массам». В основе этих идеологий, в основе всякой классовой психологии лежит антирелигиозный буржуазный дух, предпочитающий видимое – невидимому, эмпирический мир – миру трансцендентному. Буржуазный идеал благополучного обустройства в посюстороннем мире, равенства и справедливости отражает «антирелигиозное довольство этим миром, желание утвердить в нем вечное царство и прикрепить к этому царству дух человеческий, предпочтение мира – Богу»; идея построения в материальном мире Царства Божьего есть «буржуазное искажение истинного религиозного упования» [8, с. 546]. Приверженность буржуазному идеалу, отмечает Бердяев, не связана с социально-классовым положением человека; «буржуазность» есть деградация человеческого духа, проявление его несвободы и бессилия преодолеть власть материи. Лишь человек, тянущийся в духовные дали, способный возвыситься над классовой психологией во имя высших ценностей, избегает опасности заражения этой болезнью современного мира. Победу над буржуазным духом может одержать лишь религиозный, внутренне свободный дух, дух аристократический.

Буржуазные по духу своему социалистическая и коммунистическая утопии восторженно принимаются русскими людьми, нравственно искалеченными «слишком долгим рабством, слишком долгой привычкой всё возлагать на других, на правящих и господствующих», в качестве руководства к действию, и «зловещая тень прошлого ложится на наше настоящее и будущее»: «Русские легко отдаются мечтам, иллюзиям и самообманам, они легко пленяются возможностью быстрого осуществления на земле окончательного царства справедливости и социального рая, но им не хватает более суровых добродетелей, более мужественных и ответственных добродетелей. Созидательный труд не пленяет русских людей, они всё возлагают на катастрофический скачок из царства необходимости в царство свободы» [6, с. 570]. В «разлившемся и разбушевавшемся русском социализме» Бердяев не обнаруживает стремления к творчеству новой жизни, в торжестве революционной стихии выражается «вековая неволя русского народа, русская безответственность, недостаточная раскрытость в России личного начала, личного творчества, исконная погруженность в первобытный коллективизм, коллективизм натурального состояния» [18, с. 581]. Восторженное отношение Бердяева к свержению самодержавия в России остается в прошлом. В июле 1917 года он ощущает, что Россия подменяется революцией, приносится в жертву революционной стихии: «Русская революция не столько была результатом накопления творческих сил, творческих порывов к новой жизни, сколько результатом накопления отрицательных состояний, процессов гниения старой жизни. Это облегчило торжество ре-

волюции в первые дни и очень отягчило ее в дальнейшем развитии. Силы разрушительные взяли верх над силами творческими. Болезнь оказалась слишком застарелой, последствия ее перешли в новую Россию и действуют как внутренний яд» [13, с. 573]. Революция – лишь вскрытие гнойного нарыва на теле России, и нет никаких оснований, утверждает Бердяев, для поклонения стихии революции: нелепо считать лопнувший гнойник на теле человека «самым светлым и божественным в человеке, подменить самого человека этим моментом развития болезненного в нем процесса» [13, с. 575]. Русский народ не подготовлен своим историческим прошлым к осуществлению демократических преобразований, он нуждается в просвещении, росте сознания и культуры. В противном случае народу, состоящему «в массе своей ... из рабских душ, полных рабских склонностей к насилию, неуважению к человеческому достоинству, к свободе и правам личности», грозит восстановление деспотического режима, возвращение к новой разновидности цезаризма. Свободное демократическое государство могут создать «лишь свободные, управляющие собой души» [17, с. 558]. Склонность русского человека к социальным утопиям есть следствие многовекового рабского существования народа, отсутствия в русском национальном характере чувства долга и ответственности.

Согласно Бердяеву, демократия может быть либо культурой освобождающегося человеческого духа, либо тяжелейшей формой деспотии. Русский мыслитель вспоминает Монтескье, видевшего основу демократии в *доблести*, любви к общему делу, подчеркивает, что если этих качеств в душе народной нет, то неизбежно вырождение демократии в деспотию. В 1917 году русский народ вынужден «держать экзамен на демократию», на гражданскую зрелость: «Народ может осуществлять свои цели, реализовать все свои силы лишь в государстве; незащищенный собственным государством, он попадает в рабство к другим народам. Но государство не может быть сыпучим песком, оно должно быть кристаллом, имеющим строгие очертания и границы. Создание, охранение и развитие государства требует от народа закала характера твердости народной воли» [17, с. 556]. Шансы успешно сдать экзамен мизерны. Ведь «Россия всегда была и осталась огромным мужицким царством, страной землепашцев, страной экстенсивного хозяйства и экстенсивной культуры, с неразвитыми классами и сословиями, с недостаточно дифференцированной личностью, с невыраженной активностью и самодеятельностью» [18, с. 581, 582]. Все благие начинания тонут «в этой огромной серой массе крестьянства», тонкий культурный слой российской действительности носит поверхностный характер, его легко разорвать.

Будущее страны Бердяев связывает с подъемом материальной и духовной культуры в крестьянской среде: «Народ должен подняться до более

высокой духовной и всяческой культуры, в народе должна раскрыться человеческая личность, ее качества, ее ответственное творчество» [18, с. 583]. Подъему национального духа противостоят темные инстинкты, определяющие повседневное существование народных масс. Русскому государству и русской культуре «засилье темного мужицкого царства» угрожает «качественным понижением, разложением достигнутых ценностей». Бердяев знает, что «первобытный хаос шевелится еще в глубине человеческой природы ... и когда хаос этот выходит из-под власти нормирующего закона, человечество отбрасывается назад» [6, с. 568]. Русский человек, лишенный духовной закалки, с легкостью поддается чарам этой «мистической» стихии и растворяется в ней, им овладевает стремление выйти из-под власти всякого закона, вернуться к догосударственному, хаотическому существованию. Разгул анархии, предупреждает Бердяев, ведет в тупик: «Царство благодатной свободы есть царство сверхзаконное, сверхгосударственное, а не противозаконное, не противогосударственное... Отменить всякий закон для человеческого общества может высшая божественная свобода, а не анархия, которая всегда лишь мешает усвершенствованию закона» [6, с. 568]. Анархия овладевает человеческими массами, звериное обличье всплывает из глубин человека и вытесняет образ Божий. Христианство, подчеркивает русский мыслитель, «призывает верить не в количественную массу, а в божественный образ в человеке», и образ этот «нужно раскрыть трудным путем религиозного подвига и духовной культуры», преодолевая первоначальную тьму. Задача, стоящая перед Россией, заключается «в том, чтобы в ней раскрылась качественно более высокая и свободная жизнь личности и чтобы всякий новый коллективизм прошел через очистительный огонь личного перерождения и повышения» [18, с. 583]. Решение этой задачи возможно лишь посредством развития национального сознания, носителем которого должна быть интеллигенция, духовная аристократия страны, состоящая из личностей высокого качественного уровня. «Национальное сознание есть сознание качественное, а не количественное. <...> Высшее национальное сознание должно хранить сотворенные ценности и творить новые ценности народа как великого исторического целого; оно связывает далекое прошлое с далеким будущим. Ценность великого русского государства, завоеванная русским народом в долгой и мучительной истории, понятна лишь для национального сознания...» [7, с. 591].

Таким образом, падение самодержавия в России Бердяев воспринял как чудесное событие исключительной важности не только в объективном, но и субъективном плане. Восторженное отношение русского мыслителя к Февральской революции выдает в нем того бескорыстного авантюриста греческих и рыцарских романов, о котором писал М.М. Бахтин, героя, «по самому своему существу» живущего лишь «в мире чудесных слу-

чайностей» и в них сохраняющего свое тождество, героя, испытание которого на тождество предполагает именно этот мир чудесных случайностей [1, с. 81]. Нить, связующая «рыцаря духа» и чудо революции, – русский народ, его прошлое и будущее. Общациональное движение к демократии, освобождение духовных сил народа от порабоцавших его на протяжении столетий иллюзий священного русского царства Бердяев рассматривает как первый шаг, как необходимое, но внешнее условие перехода из царства принуждения в царство свободы. Внутренним условием восхождения к высшим уровням бытия выступает формирование национальной аристократии духа.

Однако победа большевиков в борьбе за власть осенью 1917 года подтвердила самые худшие опасения Бердяева: торжество в России буржуазного идеала благополучного обустройства в посюстороннем мире, равенства и справедливости над иерархическим принципом устройства мироздания выступало характерным симптомом деградации русского народа, превращало проект национальной аристократии духа в утопию.

В качестве еще одного симптома деградации отечественной культуры в стране победившего социализма можно рассматривать и негативное отношение ко многим представителям творческой интеллигенции «старой» России, декларируемое на страницах советских изданий. Описанная нами выше марксистская критика творчества раннего Н.А. Бердяева постепенно становится канонической.

В 1923 году Н.А. Карев публикует в журнале «Под знаменем марксизма» сначала рецензию, отчасти посвященную книге Н.А. Бердяева «Смысл истории» (1923), а затем статью с характерным названием «Философия дворянина нашего времени...» в качестве ответа на «Письма к недругам по социальной философии»³. Под «недрузьями» Карев понимает «революционных марксистов», в число которых включает и собственную персону, а в книге Бердяева видит «не только знамение времени», но притязание «на то, чтобы быть знаменем определенного класса», попытку «осознать опыт русской революции с точки зрения “закатывающихся” классов» [27, с. 87, 88]. Бердяев, по мнению Карева, относится к тем идеологам, чьи умственные взоры «страдают самым неизлечимым видом слепоты – слепоты сошедшего уже с исторической сцены класса» [26, с. 276]. Об уровне полемики свидетельствует, например, возражение автора статьи Бердяеву относительно тезиса о буржуазности социализма как порождения буржуазного общества: «С большим правом мы могли бы ... сказать, что г. Бердяев – обезьяна, так как в числе его славных предков были и обезьяноподобные» [27, с. 92]. Следует учитывать, что для «революционного марксиста» именно социальное происхождение играет ключевую роль в формировании миро-

³ Такой подзаголовок имеет «Философия неравенства» Н.А. Бердяева.

воззрения индивида. В частности, он исходит из того, что «призрачно-свободные взгляды [и] действия г. Бердяева ... определяются с непреложной необходимостью его дворянской породой» [27, с. 92]. А для дворянина пролетарская революция – «стихийное бедствие, разрушение, пожар и наводнение», которое «ничего *для него* не может сулить творческого» [27, с. 89]. Поэтому, разъясняет Карев, книга Бердяева есть отрицание революции, «отрицание настоящего во имя прошлого», ее автор стремится доказать, что «единственно творческим периодом в истории является реакция» [27, с. 88, 89].

Иронически называя своего оппонента «благородным рыцарем», Карев с пролетарской основательностью пишет о том, с кем и против чего ведет свою борьбу «христианский социалист» Бердяев: «Г. Бердяев, прежде всего, рыцарь. И дама, во имя которой он готов одеть на себя столь неподходящие его тщедушному литераторскому телу доспехи, есть религия. Его недруги – недруги его веры...» [27, с. 88]. В рецензии же, обыгрывая название одного из рецензируемых изданий, Бердяев отнесен к числу «рыцарей Софии, дамы достаточно почтенного возраста и достаточно истрепанной в истории философии» [26, с. 276]. Обращение Бердяева к проблеме смысла истории, понимание им судьбы человека как предмета философии истории, утверждает Карев, свидетельствует о том, что мы имеем дело с представителем «умирающего класса»: «восходящий класс» не ищет в историческом процессе «кем-то вложенных, неведомо как, целей *объективных*», он довольствуется своими субъективными целями, и, «наоборот, пред умирающим классом неотвратимый ход исторического развития, обрекающий его на смерть, выступает как *судьба*» [26, с. 278]. Итак, согласно Кареву, Бердяев – реакционер. Но насколько глубоко в прошлое простирается его реакционность? В рецензии Бердяев предстает как «новый воин во всеоружии апокалипсиса», апологет Средневековья и идеолог еврейских погромов, противник «голового индивидуализма» и сторонник средневекового корпоративизма, т. е. крепостничества. А в статье о философии «дворянина нашего времени» Карев выявляет материальный базис этой философии, которому угрожает единство победившего пролетариата. «Во имя этого материального базиса и напяливает г. Бердяев на свои слабые плечи рыцарские латы. Ведь известно, что рыцари поддерживали свое существование во время оно поборами и грабежами» [27, с. 93]. Хозяйственный идеал Бердяева – «современный монополистический капитализм, регулируемый твердой государственной властью, находящейся в руках дворянства и близкой ему крупной буржуазии» [27, с. 95]. В конце своей статьи Карев делает попытку согласовать апологию Средневековья и хозяйственный идеал Бердяева как создателя «русской теории европейской реакции», который «пламенно ждет» «момента, когда его духовные громы могли бы превра-

титься в гром пушек интервенции»: повестку текущего дня составляет выбор: «либо черная ночь помещичье-буржуазной диктатуры, своим идеалом рисующей средневековье, либо борьба за грядущий день пролетарского социализма» [27, с. 95, 96]. Но остается открытым столь значимый в рамках марксистской парадигмы вопрос о том, какой социально-экономический уклад, феодализм или капитализм, определяет мировоззрение Бердяева, этого «матерого зубра реакции»,

Руководствуясь концепцией феодального социализма, изложенной в третьей главе «Коммунистического Манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса, развернутый ответ на указанный вопрос дает в 1926 году И.К. Луппол. Для сторонников феодального социализма, начиная с Ж. де Местра и Л. Бональда, характерна критика капитализма «не во имя строя будущего, новейшего, а во имя старого уже к тому времени отжившего строя средневекового» [29, с. 119]. Н. Бердяев – один из представителей «лакейской корпорации» теоретиков современного феодального социализма, зачатого в дворянских имениях России и юнкерских поместьях Пруссии, долго зревшего плода в «необъятном чреве “святой Руси”, пока, уже после пушек Октября, не разразились тяжелые, болезненные роды в чужой, зарубежной обстановке после длительных авантюрных и дорожных приключений родильницы», а ныне «ушибленный при самом рождении своем, с явными атавистическими признаками ублюдоков» принят западноевропейским капиталом в свое лоно и заботливо пестуем им [29, с. 120]. Луппол утверждает, что идеалом мыслителя для Бердяева является апологет мистического средневековья Ж. де Местр: они оба не видят дороги вперед. Интеллектуальный интуитивизм и мистицизм, лежащие в основании онтологии Бердяева, негативно влияют на стиль его сочинений: «Он не говорит, а вещает, не доказывает, а провозглашает, не предполагает, а пророчествует» [29, с. 122]. Впрочем, его «апокалиптические и кликушеские вещания» для здравомыслящего человека «только забавны» [29, с. 123]. С характерным для русских феодальных социалистов устремленным назад взором Бердяев, желая «понять современную социальную действительность и разгадать тенденцию ее развития», спускается «с высот онтологии ... в низины философии истории» [29, с. 138, 139]. Как идеолог, защищающий интересы аристократии наших дней, вспоминающей «далекое время, когда их предки были безраздельно господствующим классом, когда лицо земли украшали монастырские обители, рыцарские замки и помещичьи усадьбы, на задворках которых “лишенные творческой избыточности” крепостные крестьяне подвергались порке», Бердяев «благополучно прибывает к Средним векам, к феодализму, где и находит «тихую пристань» [29, с. 139, 140]. Далее Луппол рассуждает об устройстве «феодально-социалистического рая» Бердяева, принципах организации нового средневекового общества,

которое отделено от старого «развитием и содержанием капитализма», заявляет, что верить словам Бердяева об аристократии как «скорее психологической, чем социологической категории» нельзя и приходит к выводу, что «общественный идеал феодального социализма наших дней ... не далеко ушел от идеалов Ж. де Местра и Бональда, и потому к нему относятся всё то, что около восьмидесяти лет назад было написано Марксом и Энгельсом» [29, с. 141, 142].

В сжатом виде эти воззрения Луппола изложены в его статье о Бердяеве, написанной для первого издания «Большой советской энциклопедии». Статья наглядно демонстрирует, как семена, посеянные А.А. Богдановым, проросли на ниве советского марксизма. Луппол ставит на заглавном герое клеймо реакционера и, в отличие от своего предшественника, не высказывает надежд на прогрессивное развитие взглядов мракобесного «философствующего публициста», откровенно ненавидящего СССР. Согласно автору статьи, в своей «мистической и реакционной социальной метафизике» «феноменальным преходящим явлениям земного мира» Бердяев противопоставляет «вечные сущности», как то: «аристократия, консерватизм, частная собственность» [28, с. 365]. Взгляды Бердяева на современное мироустройство характеризуются как «социально-философская фантазия», сводящаяся к тому, что «общество вступает в новую “сакральную” эпоху... – *новое средневековье*», что является «единственным выходом из мирового тупика», альтернативой капитализму и его неизбежному следствию – революции [28, с. 365, 366]. Далее Лупповым фактически воспроизводятся обличительные пассажи предшественника: «Бердяев критикует капиталистический строй, но критикует его с реакционной точки зрения, т. е. с точки зрения феодализма. Именно феодальный строй с его социально-политическим иерархизмом и всепроникающим господством религии является социальным идеалом Б[ердяева]» [28, с. 366]. Извлеченное из «Коммунистического манифеста» словосочетание позволяет придать интеллектуальному портрету Бердяева классовую определенность и полноту: мы имеем дело со сторонником «феодального социализма».

Таким образом, если динамика русской революции 1917 года продемонстрировала утопичность проекта духовной аристократии Н.А. Бердяева, то приверженцы марксистской идеологии превратили этот проект в карикатуру на философию истории.

Литература

1. Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа* в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. *Эпос и роман*. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 9–193.
2. Бельый А. Из воспоминаний о русских философах // *Минувшее. Исторический альманах*. – Paris: Atheneum, 1990. – Вып. 9. – С. 326–351.

3. *Бердяев Н.А.* К. Леонтьев – философ реакционной романтики // Бердяев Н.А. *Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906 гг.)*. – М.: Канон+, 2002. – С. 342–373.

4. *Бердяев Н.А.* Интернационал и единство человечества // Бердяев Н.А. *Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922*. – М.: Астрель, 2007. – С. 517–522.

5. *Бердяев Н.А.* К вопросу об интеллигенции и нации // Бердяев Н.А. *Духовный кризис интеллигенции*. – М.: Канон+, 1998. – С. 133–141.

6. *Бердяев Н.А.* Мобилизация интересов // Бердяев Н.А. *Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922*. – М.: Астрель, 2007. – С. 567–572.

7. *Бердяев Н.А.* Народническое и национальное сознание // Бердяев Н.А. *Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922*. – М.: Астрель, 2007. – С. 585–592.

8. *Бердяев Н.А.* О буржуазности и социализме // Бердяев Н.А. *Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922*. – М.: Астрель, 2007. – С. 544–549.

9. *Бердяев Н.А.* О политической и социальной революции // Бердяев Н.А. *Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922*. – М.: Астрель, 2007. – С. 523–529.

10. *Бердяев Н.А.* Ответ критикам (О полемике. «Идеализм» и наука. – «Идеализм» и свобода. – Отношение «идеализма» к переживаемому нами моменту. – Группировка общественных направлений) // Бердяев Н.А. *Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906 гг.)*. – М.: Канон+, 2002. – С. 241–254.

11. *Бердяев Н.А.* Падение священного русского царства // Бердяев Н.А. *Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922*. – М.: Астрель, 2007. – С. 508–516.

12. *Бердяев Н.А.* Положение России в мире // Бердяев Н.А. *Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922*. – М.: Астрель, 2007. – С. 530–533.

13. *Бердяев Н.А.* Правда и ложь в общественной жизни // Бердяев Н.А. *Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922*. – М.: Астрель, 2007. – С. 573–578.

14. *Бердяев Н.А.* Психология переживаемого момента // Бердяев Н.А. *Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922*. – М.: Астрель, 2007. – С. 501–507.

15. *Бердяев Н.А.* Россия и Западная Европа // Бердяев Н.А. *Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922*. – М.: Астрель, 2007. – С. 538–543.

16. *Бердяев Н.А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). – М.: Книга, 1991. – 448 с.

17. *Бердяев Н.А.* Свободный народ // Бердяев Н.А. *Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922*. – М.: Астрель, 2007. – С. 555–560.

18. Бердяев Н.А. Торжество и крушение народничества // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – С. 579–584.
19. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2004. – С. 477–730.
20. Бердяев Н.А. Этическая проблема в свете философского идеализма // Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906 гг.). – М.: Канон+, 2002. – С. 70–114.
21. Богданов А.А. Новое средневековье. О «Проблемах идеализма» // Н.А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1994. – С. 120–145.
22. Бойко В.А. Концептуальные основания рыцарского идеала Н.А. Бердяева: первые шаги // Идеи и идеалы. – 2017. – № 2 (32), т. 2. – С. 108–119.
23. Бойко В.А. Первая русская революция и развитие рыцарского идеала Н.А. Бердяева // Идеи и идеалы. – 2018. – № 2 (36), т. 1. – С. 51–63.
24. Бойко В.А. Рыцарский идеал Н.А. Бердяева в книге «Новое религиозное сознание и общественность» // Идеи и идеалы. – 2017. – № 3 (33), т. 2. – С. 94–107.
25. Бойко В.А. Рыцарский идеал Н.А. Бердяева и мировая война // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 2, ч. 2. – С. 395–417.
26. К<арев> Н. София – Проблемы духовной культуры и религиозной философии. – Ник. Бердяев. Смысл истории // Под знаменем марксизма. – 1923. – № 8–9. – С. 276–280.
27. Карев Н. Философия дворянина нашего времени, или откровения Николая Бердяева о социализме, революции и пролетариате // Под знаменем марксизма. – 1923. – № 10. – С. 87–96.
28. Луттол П.К. Бердяев // Н.А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1994. – С. 365–366.
29. Луттол П. Новое средневековье (к характеристике современного феодального социализма) // Под знаменем марксизма. – 1926. – № 12. – С. 117–143.
30. Ортодокс (Аксельрод Л.П.) Почему мы не хотим идти назад? // Заря. – 1901. – № 2–3. – С. 38–59.
31. Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Т. 1. – London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. – 397 с.

Статья поступила в редакцию 16.03.2023.

Статья прошла рецензирование 29.03.2023.

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.3.1-56-78

THE SECOND RUSSIAN REVOLUTION AND N.A. BERDYAEV'S UTOPIAN PROJECT OF SPIRITUAL ARISTOCRACY

Boyko, Vladimir,

Cand. of Sc. (Culturology), Professor,

Institute of Philosophy and Law, SB RAS,

8 Nikolaeva Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-0365-5171

vboyko100@gmail.com

Abstract

Throughout many years Berdyaev discusses the problem of spiritual aristocracy formation in Russia. The Russian philosopher defends an imperishable value of spiritual aristocracy, as he doesn't see a direct connection between the socio-historical environment and the emergence of "knights of spirit". In his works he underlines the priority of the universal objective Divine will, calls for renewing Christianity and all aspects of public life, connects religious revival only with the development of a person. Berdyaev believes that the 'people-nation' can be aristocratic if it is ready to subordinate their own actions to the absolute Divine will. In 1917-1918 the idea of a hierarchical structure of any reality defines a train of Berdyaev's thought. The being of the free person is closely connected with cosmic hierarchy. Creativity and social equality are not compatible, creativity demands inequality; the nature of creativity and the essence of the person are aristocratic. The Russian thinker welcomes the overthrow of autocracy. He denies class foundation of the ongoing revolution, exposes bourgeois, non-creative base of the socialist idea. Berdyaev sees the cause of 'the sacred realm' downfall in the estrangement of Russian people from the state power, absence of spiritual aristocracy in Russia. He accounts for the victory of democracy as an external condition of spiritual knighthood's making, whose thoughts are directed outside of the empirical world, a necessity and compulsion realm. The Russian philosopher hopes that the democratic revolution will release spiritual forces of the people, whose ascending creative movement will be accompanied by the formation of national spiritual aristocracy. But in July 1917 Berdyaev ascertains that Russia is sacrificed to revolutionary element. He considers the propensity of the Russian person to social utopias as a consequence of centuries-old slavish existence of the people, the absence of the sense of duty and responsibility in the Russian national character. The victory of Bolsheviks in race for power by autumn of 1917 has confirmed Berdyaev's worst fears: the triumph in Russia of a bourgeois ideal of prosperous habitation in the material world, ideals of equality and justice over a hierarchical principle of the universe design acted as a characteristic symptom of Russian people's degradation, transformed the project of national aristocracy of spirit into a utopia. The article also shows how the adherents of Marxist ideology have turned this project into a caricature on the philosophy of history.

Keywords: revolution, hierarchy, creativity, person, aristocracy, people.

Bibliographic description for citation:

Boyko V. The Second Russian Revolution and N.A. Berdyaev's Utopian Project of Spiritual Aristocracy. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2023, vol. 15, iss. 3, pt. 1, pp. 56–78. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.3.1-56-78.

References

1. Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane: ocherki po istoricheskoi poetike* [Forms of Time and of the Chronotope in the Novel: Notes toward a Historical Poetics]. Bakhtin M.M. *Epos i roman* [Epic and Novel]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000, pp. 9–193.
2. Belyi A. *Iz vospominanii o russkikh filosofakh* [Selected Memoirs of Russian Philosophers]. *Minushee. Istoricheskii al'manakh* [The Past. The Historical Almanac]. Paris, Atheneum, 1990, iss. 9, pp. 326–351.
3. Berdyaev N.A. K. Leont'ev – filosof reaktsionnoi romantiki [K. Leont'ev – Philosopher of a Reactionary Romanticism]. Berdyaev N.A. *Sub specie aeternitatis. Opyty filosofskie, sotsial'nye i literaturnye (1900–1906 gg.)* [Sub specie aeternitatis. Philosophical, Social and Literary Essays (1900–1906)]. Moscow, Kanon+ Publ., 2002, pp. 342–373.
4. Berdyaev N.A. *Internatsional i edinstvo chelovechestva* [The Internationale and the Unity of Mankind]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 517–522.
5. Berdyaev N.A. *K voprosu ob intelligentsii i natsii* [The Question concerning about the Intelligentsia and the Nation]. Berdyaev N.A. *Dukhovnyi krizis intelligentsii* [The Spiritual Crisis of the Intelligentsia]. Moscow, Kanon+ Publ., 1998, pp. 133–141.
6. Berdyaev N.A. *Mobilizatsiya interesov* [The Mobilisation of Interests]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 567–572.
7. Berdyaev N.A. *Narodnicheskoe i natsional'noe soznanie* [The Populist and the Nationalist Consciousness]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 585–592.
8. Berdyaev N.A. *O burzhuaznosti i sotsializme* [On Bourgeoisness and Socialism]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 544–549.
9. Berdyaev N.A. *O politicheskoi i sotsial'noi revolyutsii* [Concerning Political and Social Revolution]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 523–529.
10. Berdyaev N.A. *Otvét kritikam* [The Answer to Critics]. Berdyaev N.A. *Sub specie aeternitatis. Opyty filosofskie, sotsial'nye i literaturnye (1900–1906 gg.)* [Sub specie aeternitatis. Philosophical, Social and Literary Essays (1900–1906)]. Moscow, Kanon+ Publ., 2002, pp. 241–254.

11. Berdyaev N.A. Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 508–516.
12. Berdyaev N.A. Polozhenie Rossii v mire [The Position of Russia in the World]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 530–533.
13. Berdyaev N.A. Pravda i lozh' v obshchestvennoi zhizni [Truth and Lie within Societal Life]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 573–578.
14. Berdyaev N.A. Psikhologiya perezhivaemogo momenta [The Psychology of a Survivable Moment]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 501–507.
15. Berdyaev N.A. Rossiya i Zapadnaya Evropa [Russia and Western Europe]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 538–543.
16. Berdyaev N.A. *Samopoznanie (opyt filosofskoi avtobiografii)* [Self-Knowledge: An Essay in Autobiography]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 448 p.
17. Berdyaev N.A. Svobodnyi narod [A Free People]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 555–560.
18. Berdyaev N.A. Torzhestvo i krushenie narodnichestva [The Triumph and Crash of Populism]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 579–584.
19. Berdyaev N.A. Filosofiya neravenstva [The Philosophy of Inequality]. Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow, Eksmo Publ., Kharkiv, Folio Publ., 2003, pp. 477–730.
20. Berdyaev N.A. Eticheskaya problema v svete filosofskogo idealizma [The Ethical Problem in Light of Philosophical Idealism]. Berdyaev N.A. *Sub specie aeternitatis. Opyty filosofskie, sotsial'nye i literaturnye (1900–1906 gg.)* [Sub specie aeternitatis. Philosophical, Social and Literary Essays (1900–1906)]. Moscow, Kanon+ Publ., 2002, pp. 70–114.
21. Bogdanov A.A. Novoe srednevekov'e. O “Problemakh idealizma” [A New Middle Ages. On “Problems of Idealism”]. *N.A. Berdyaev: pro et contra*. Vol. 1. St. Petersburg, RChGI Publ., 1994, pp. 120–145. (In Russian).
22. Boyko V.A. Kontseptual'nye osnovaniya rytsarskogo ideala N.A. Berdyaeva: pervye shagi [The Conceptual Bases of N.A. Berdyaev's Knightly Ideal: the First Steps]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2017, no. 2 (32), vol. 2, pp. 108–119.
23. Boyko V.A. Pervaya russkaya revolutsiya i razvitie rytsarskogo ideala N.A. Berdyaeva [The First Russian Revolution and the Development of N.A. Berdyaev's Knightly Ideal]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2018, no. 2 (36), vol. 1, pp. 51–63.

24. Boyko V.A. Rytsarskii ideal N.A. Berdyaeva v knige «Novoe religioznoe soznanye i obshchestvennost'» [The Knightly Ideal of N.A. Berdyaev in His Book “New Religious Consciousness and Society”]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2017, no. 3 (33), vol. 2, pp. 94–107.
25. Boyko V.A. Rytsarskii ideal N.A. Berdyaeva i mirovaya voina [The Knightly Ideal of N.A. Berdyaev i the World War]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 2, pt. 2, pp. 395–417.
26. K<arev> N. Sofiya – Problemy dukhovnoi kul'tury i religioznoi filosofii. – Nik. Berdyaev. – Smysl istorii [Sophia = Problems of Spiritual Culture and Religious Philosophy. – Nich. Berdyaev. – The Meaning of History]. *Pod znamenem marksizma = Under the Banner of Marxism*, 1923, no. 8–9, pp. 276–280.
27. Karev N. Filosofiya dvoryanina nashego vremeni, ili otkroveniia Nikolaya Berdyaeva o sotsializme, revolyutsii i proletariate [Nobleman's philosophy of our time, or Nickolay Berdyaev's revelations concerning socialism, revolution and proletariat]. *Pod znamenem marksizma = Under the Banner of Marxism*, 1923, no. 10, pp. 87–96.
28. Luppol I.K. Berdyaev. *N.A. Berdyaev: pro et contra*. Vol. 1. St. Petersburg, RChGI Publ., 1994, pp. 365–366.
29. Luppol I.K. Novoe srednevekov'e (k karakteristike sovremennogo feodal'nogo sotsializma) [New Middle Ages. On the characteristic of a modern feudal socialism]. *Pod znamenem marksizma = Under the Banner of Marxism*, 1926, no. 12, pp. 117–143.
30. Ortodoks (Aksel'rod L.I.) Pochemu my ne khotim idti nazad? [Why don't we want to go back?]. *Zarya = The Dawn*, 1901, no. 2–3, pp. 38–59.
31. Stepun F. *Byvshee i nesbysheesya*. T. 1 [The Fulfilled and Unfulfilled. Vol. 1]. London, Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. 397 p.

The article was received on 16.03.2023.

The article was reviewed on 29.03.2023.